

Кажарова Инна Анатольевна

"МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ" ГЕРОЯ ДЕТСКОЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ПОЭЗИИ

В статье анализируются приемы построения базовых "поведенческих моделей" героя детской кабардино-черкесской поэзии. Через типологию героя, свойственную конкретным этапам развития литературы, эксплицируются духовно-нравственные трансформации общества, намечаются тенденции, свойственные современному этапу развития детской национальной поэзии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. II. С. 97-100. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.35.0

Филологические науки

В статье анализируются приемы построения базовых «поведенческих моделей» героя детской кабардино-черкесской поэзии. Через типологию героя, свойственную конкретным этапам развития литературы, эксплицируются духовно-нравственные трансформации общества, намечаются тенденции, свойственные современному этапу развития детской национальной поэзии.

Ключевые слова и фразы: детская литература; модель поведения; идеал; тип; традиция; развитие.

Кажарова Инна Анатольевна, к. филол. н.

*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
barsello@rambler.ru*

«МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ» ГЕРОЯ ДЕТСКОЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ПОЭЗИИ©

Актуальность обозначенной темы определяется главным образом слабой изученностью и недооценкой самого феномена детской литературы. Как отмечают Мария Майофис и Илья Кукулин, «парадоксальность положения детской литературы – в огромной разнице между подспудным влиянием, которое она оказывает на культуру в целом (особенно на современную), и почти полным отсутствием концептуализации детской литературы, игнорированием ее социокультурных, психологических и собственно филологических аспектов со стороны “большой” филологии» [4, с. 8]. В контексте кабардино-черкесской литературы все перечисленное усугубляется еще и тем, что ее художественный опыт в количественном отношении весьма невелик (примерно полтора века), потому качественные изменения, которые привносит в нее действительность, подчас не успевают индивидуализироваться настолько явственно, чтобы обрести силу и характер самостоятельных направлений. Тем не менее «детский ряд» в кабардино-черкесской литературе весьма внушителен, устойчив и непрерывен; представленный на всех этапах ее развития, он дает возможность для выделения моделей, которые меняющаяся действительность выдвигает в качестве эталонных. Резонно предположить, что поступки и действия, определяющие героев детской кабардино-черкесской поэзии на разных ее этапах, а также отклонения от устоявшейся модели поведения, приемы и средства художественности, при этом актуализируемые, позволяют исследователю судить о степени значимости качественных изменений, происходящих в детской литературе.

По традиции первые произведения для детей появляются в букварях и азбуках, в основном это короткие рассказы и басни назидательного характера. Поэтическое же преломление детская тема в кабардино-черкесской поэзии получает с начала 1920-х годов, потому закономерно, что модель поведения маленького героя складывается в согласии с пролеткультовскими канонами миропонимания. Так, в произведениях Али Шогенцукова 1920-30-х годов возникает образ ребенка, поступательно отодвигающего тьму былого уклада. Этот герой наделен именем собственным – маленький Хасанш, он внедрен в гражданскую множественность – всех детей утверждающегося в Кабарде социализма поэт обобщенно именует маленькими Хасаншами: «Хъэсанш цыкIухэр дывгъэгъасэ / Хэку лэжыакIуэу дывгъэу!» («Къэбэрдей адыгэ курсантхэр»). – «Маленьких Хасаншей давайте обучать / Работниками родине давайте станем!» («Учителя-курсанты Кабарды») [9, с. 60] (здесь и далее все подстрочные переводы наши – И. К.). Вместе с тем поэт всячески стремится показать, что дитя новой действительности – личность, которая «не сворачивает с пути». Он выстраивает непрерывный ряд, характеризующий его действия и поступки: «ЛъэныкъуитIкIэ кымьплъыхуэ / И еджапIэм хуиунэтIаш» – «Не глядя ни вправо, ни влево, / К своей школе направился»; «Зимьплъыхуэ / И гъуэгуанэм йопсынщIэкI» («Хъэсанш еджакIуэ» (1925)). – «Не глядя по сторонам, / Ускоряет свой шаг» («Хасанш-ученик» (1925)) [Там же, с. 69]. В школе он вежливо здоровается с учителями, радостно проходит на свое место; тихо, воспитанно дает ясные ответы на вопросы учителя; играя, не ввязывается в драку. Это безупречный, «правильный» ребенок. В перечень положительных характеристик его действий внедряются также моральные качества: «у него добрый нрав», он «разумный», «со светлым сердцем», «сострадающий» («Милосердие маленького Хасанша» (1925)) [Там же, с. 70]. Таким образом, юный герой Шогенцукова весь – в положительных характеристиках и положительных действиях. В художественном плане – это гармония, выведенная на самые поверхностные уровни восприятия, в идейном – та трогательная и душевная «часть» новой действительности, в которой поэт провидит светлое будущее. Таким образом, модель поведения героя ранних этапов детской кабардино-черкесской поэзии являет «образец, который задает моральную норму» [2, с. 7], это идеальный носитель той новой роли, которую возлагает на ребенка новый социальный строй. Несколько иначе воссоздана в стихах А. Шогенцукова пионерия. Его пионеры предельно обобщены, здесь преобладают не характеристики, а действия и мобилизующие призывы, оформленные глаголами будущего времени и глаголами повелительного наклонения: «будем жить», «продвигайтесь», «зажжем свет», «сотрем», «послужим», «будем светить», «уничтожим», «создадим», «сделаем», «будьте готовы», «разбейте ударом», «шагая, иди вверх», «вам отправляться в путь, вставайте, начните барабанную дробь», «идите, чеканя шаг» («Пионеры» (1931), «Пионерская жизнь» (1931), «Новая школа» (1931, 1933, 1934),

«Пионерская песня» (1939)) [9, с. 92-97]. Мы не видим этих ребят, какие-либо характеризующие детали отсутствуют, мобилизующие призывы, по сути, – основная форма, в которой заявлен образ и представлены его действия: «Дэ дыщЭблэц, еджапІэщІэм / Дзэ хьэзырхэу дыщІэкІынщ, / Биижь бзаджуэ а кІыфІыгъэм / Зылым хуэдэу дебэныци» (*ШкольциЭ», 1933*). – «Мы – новое поколение, из новых школ / Готовым войском выйдем мы, / Со злой вражеской тьмой / Как один человек сразимся» (*«Новая школа», 1933*) [Там же, с. 51]; «Ди ныбжьэгъухэ, хьэзыр зыфши / НэфІэгүфІэу фыкэуэ, / Къэрал бейхэр зыгъэшынуэ / Гъитху планыр дывгъэгъэу!» (*«Зэгъэпыци», 1931*). – «Друзья, подготовьтесь / (И) радостно постройтесь, / Страны богачеев устрашающий / Пятилетний план давайте осуществим!» (*«Построить», 1931*) [Там же, с. 72]. В поступательном нарастании решительных действий пионерия переходит в силу не только активную и побеждающую, но нападающую и в чем-то даже устрашающую. Военизированность, маршевое движение, которое так приветствовалось эстетикой Пролеткульта, в полной мере находит себя здесь. Но герои эти, определяя ценностный центр воссоздаваемой реальности, в данном ряду произведений не достигают статуса поэтического субъекта, субъектом всегда выступает лишь автор, декларирующий чеканную модель детского поведения.

В 50-е годы Алим Кешоков несколько отходит от идеальной модели, обытовляя поведение маленьких героев через юмористический модус их осмысления. Так, персонаж стихотворения «Акт» (1954) [1, с. 143] – мальчик, окончивший начальную школу, заключает с младшим братом, которому лишь предстоит пойти в школу, «акт» о поливке деревьев, которые, по его мнению, рискуют остаться без присмотра во дворе начальной школы. Школьница Маринка делит единственное яблоко, созревшее на возвращенном ею деревце, между десятком ребят, вожделенно на него глядящих («*Маринкино яблоко», 1954*) [Там же, с. 141]. Доминантой этих поступков, как видим, является не столько победоносный прорыв в грядущее, сколько порыв отзывчивой детской души. Герои А. Кешокова, в отличие от своих предшественников, увлечены по большей части делами мирного характера, и поведение их ориентировано не столько на борьбу, сколько на созидание. Подобным же образом ведут себя в 60-70-е годы герои Алима Ханфенова, о чем позволяют судить произведения, составившие сборники «Пионерский салют» (1962) [8] и «Как Хасан отправился на Марс» (1964) [7].

Парадоксально, но с упразднением «пионерской темы» из кабардино-черкесской детской поэзии исчезает целый пласт произведений, рассчитанных на старшекласников. При этом нельзя утверждать, что смена общественно-политического уклада упразднила в детской поэзии и патриотическую тему, нет, она присутствует, но в ином виде: теперь возникает тема так называемой малой родины, и решается она в лирическом ключе, который редко нуждается в опоре на сюжетность. Абстрактный образец, идеальная модель поведения, на которые были ориентированы несколько десятилетий в развитии детской поэзии, утрачивают актуальность, зато на смену им приходит характер – детский, непосредственный. Но надо заметить, что в большинстве случаев это непосредственность, отмечаемая во внешнем измерении характера. Практически во всех произведениях детской кабардино-черкесской поэзии новейшего периода доминирует образ милого, иногда капризного ребенка и снисходительно-умилительное отношение к нему взрослых. Теперь героям дозволено озорничать, плакать, быть непредсказуемыми. Но, как ни странно, при всех подобных «допущениях» они однообразны. Можно сказать, что в творчестве большинства детских авторов воссоздается один и тот же тип ребенка. Так, однообразный ряд составляют капризная девочка Дана из стихотворения «Дана и дедушка» З. Налоева [1, с. 223], маленькая героиня стихотворения «Почему плачет Дина» Л. Шогенова [Там же, с. 340], Ирина из стихотворения «Ириночка-плакса» Х. Гозгешова [Там же, с. 152], Жан из стихотворения Б. Кагермазова «Жан востроглазая» [Там же, с. 307]. Почти все детские авторы, пишущие в 90-х годах, в центр поэзии ставят образ дитя-баловня. Об этом свидетельствуют не только сюжеты, в которых почти всегда есть любящие старшие, в подавляющем большинстве – бабушки и дедушки, но и обилие ласкательной лексики, которой оформляются как обращения к детям, так и реальность, окружающая ребенка. Кстати говоря, особое распределение персонажей, при котором мир старших представляют бабушки и дедушки, в определенной мере нацелено на создание модели этнического поведения. Согласно педагогическим традициям адыгов, проявление ласки и излишнего внимания к своим детям со стороны родителей в присутствии представителей старшего поколения считается неприличным, потому воспитание детей чаще всего оказывается прерогативой бабушек и дедушек, и нравственную оценку своих поступков герои детской кабардино-черкесской поэзии чаще всего ожидают от них.

Существует мнение, что 1990-е годы явили некий рубеж в осмыслении героя детской литературы, с которого «началось бурное развитие разнообразных традиционно неконвенциональных оптик, в том числе оптики инфантильной, постулирующей детство-как-взгляд и даже детство-как-позицию» [2]. Но за инфантилизмом героя детской кабардино-черкесской поэзии стоит не только безыскусность и непосредственность, но и нередко отсутствие задач, во имя которых и создаются произведения для детей. Ситуации, которые рассматривает современная кабардино-черкесская поэзия, знаки и символы перехода ее в иное качество не поучительны и не познавательны, а просто понятны и близки детям. Инфантильное граничит здесь с примитивным. Возможно, так складывается потому, что внимание авторов сосредотачивается преимущественно на психологии детей дошкольного возраста. Тем не менее даже при отсутствии четко поставленных задач, через антураж детской действительности в большей степени просматриваются предпочтения взрослых.

В чем-то разнообразие характера героя, типичного для кабардино-черкесской детской поэзии, Борис Кагермазов. Он создает своеобразный ряд непослушных детей и их деяний, названия произведений и имена героев свидетельствуют об этом вполне красноречиво: Закирей-драчун («*Закирей-драчун*»), Бот долговязый («*Всадник*»), Чоп («*Как Чоп стал портняжить*») [1, с. 310-313]. Поведение этих героев показывается развернуто, однако их «оценка», вынесенная в заключительные строки, всегда коротка и юмористически

дистанцирована от предполагаемой нормы (образца) поведения. Иными словами, поведение этих героев всегда таит в подтексте реакцию взрослых: принятие или непринятие предлагаемой модели сознанием старшего, будь то автор или герой. Таким образом, идеальная модель поведения продолжает присутствовать и в современной детской поэзии, но имплицитно. Всякий каприз, всякое озорство негласно оценивается как отклонение от идеальной модели. Некоторые исключения – в творчестве молодой поэтессы Нины Таовой, автора сборников «Беломордый» (2005) [5] и «Божья коровка» (2000) [6]. Ее стихи ориентированы на аудиторию дошкольников и младших школьников. Можно сказать, что она не принадлежит к тому большинству, которое воссоздает мир детства, просто подлаживаясь под детскую логику. Для нее этот мир все еще сохраняет свою осязаемость. Необычайная доброта ее героя – не просто шаблон построения детского образа, а мировоззренческая позиция маленького человека. Наиболее рельефно характер ее героя открывается в его отношении к миру животных. Чуткий и несколько чудаковатый ребенок, он трогателен, но не примитивен: проснувшись утром от птичьего гомона, тихонечко спускается с кровати – «вдруг птички не одобряют моего шума», спасает от кошки раненого голубя, выхаживает его, когда же тот, окрепнув, рвется ввысь, дарит ему свободу, сопровождая свой поступок словами: «свободе тебя возвращаю» («Голубь») [Там же, с. 18]. Эмоциональный мир этого героя гораздо тоньше, чем мир его предшественников, с одной стороны, он прост и понятен маленькому читателю (слушателю), а с другой – обращен негласным упреком к очерствелому миру взрослых. Он сочувствует сове, «сторожу ночному»: «Уэ псэлыгъу улъыхъуэу / КъысфЮщІ укьэкІий / Къыхъэ мы си пашхъэм, / ЗыкысхуэщІ гъунэгъу» («Жындю»). – «Ты, ища собеседника, как мне кажется, / Вскрикиваешь. / Каждую ночь на нашей крыше / Тебя я вижу. / Появись передо мной, / Стань мне собеседником («Сова») [Там же, с. 17]. В «Сове» – философия осознания одиночества ближнего, но философия, развернутая средствами, органичными детской психологии. Герой Таовой искренне радуется, когда получает одобрение и похвалу старших («Меда», «Дана», «В лесу») [Там же, с. 21-20], но при этом вовсе не преследует цель во всем соответствовать их представлениям о мире, у него своя мораль, заставляющая его предупреждать об опасности мышшь, которую должны уничтожить («Мышка») [Там же, с. 9], и хомяка, перегрызшего все садовые насаждения: «ПшЦахэр псори пхузогъэгъу / Клуэж уи мзым, зыщІи кІэбгъу!» («Жумэрэн»). – «Все, что ты наделал, я тебе прощаю. / Удирай в свой лес!» («Хомяк») [Там же, с. 22]. Искренность и незаурядность героя Таовой плавно перестраивает отношение «мир детей – мир взрослых» от снисходительно-умилительного к оппозиционному. Появляется противоречивость, пусть не подчеркнутая, но подвергающая сомнению систему ценностей мира взрослых. В одном из наиболее интересных ее стихотворений сталкиваются два мировоззрения – практичных и по-своему правых взрослых и милосердного ребенка. Разворачивается целая трагедия, связанная с поимкой лисицы, неоднократно похищавшей кур. Здесь – мольба ребенка, отстаивающего право лисицы на жизнь: «ФымыукІ а бажэр, / Феплгыт, дахэ цЫкІуш. / Дэ джэд Іэджи диІэщ, / Бажэ цЫкІур зыщ. – «Не убивайте эту лису, / Посмотрите, она красивенькая. / Кур у нас много, / Лисичка же одна», и аргументированный ответ на нее взрослых: «“А уи бажэ закъуэм / Куэд и джэд ишхаш”, – / ЖиІэри ди дадэ / И псэр хухихаш». – «“Эта твоя единственная лиса / Многих кур сожрала”, – / Сказал наш дедушка / И вынул из нее душу» [Там же, с. 11]. Таова замечательно владеет приемами передачи смены настроения. При всей эмоциональности происходящего, ребенок совершенно адекватно оценивает воцарившийся во дворе мир и порядок, но при этом не в состоянии смириться с трагедией погубленного зверька: «КъуэгъэнапІэм джэдхэр / Хуэму къыкъуокІыж, – / ЩхъэщыкІащ шынагъуэр, / Ягу зэрогъуэтыж. // Ауэ сэ согъуэгыр, / Зыми сепыллыж. / Нани сэ седаІуэу / Гъын шызмыгъэтыж» («Бажэ»). – «Из укрытия куры / Тихо выходят, – / Миновала опасность, / Приходят в себя. // Да только я рыдаю, / Ни на что не смотрю / И, не слушая бабушку, / Плакать не прекращаю» («Лиса») [Там же].

Путь, пройденный детской кабардино-черкесской поэзией, позволяет выделить три основных установки, в соответствии с которыми моделируется поведение героя. Первая явно апеллирует к тому, что является верным с точки зрения рассудочности взрослых. Вторая – та, что противоречит этой точке зрения (стало быть, пребывает в постоянной соотнесенности с идеальной моделью). Третья – претендующая на имманентность, актуализирует так называемую «собственную философию», «собственную» систему ценностей и тяготеет к противопоставлению мира детей и мира взрослых. Различия между этими установками могут не быть отчетливыми, но в кабардино-черкесской детской поэзии первые две явили себя достаточно рельефно и породили стандартные модели поведения героя. Что касается третьей, ее судьбу прогнозировать трудно: силы, позволяющей говорить о становлении традиции, она еще не набрала, на сегодня мы имеем лишь отчетливую тенденцию.

Список литературы

1. Антология кабардинской поэзии. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 655 с.
2. Давыдов Д. Мрачный детский взгляд: «переходная» оптика в современной русской поэзии [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/davyd.html> (дата обращения: 7.04.2012).
3. Детская литература сегодня: сб. науч. ст. / сост. Н. В. Барковская, М. А. Литовская. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. 154 с.
4. Майофис М., Кукулин И. Семиотика детства: вступительная заметка // НЛЮ. 2002. № 58. С. 8-11.
5. Таова Н. Х. Беломордый. Нальчик: Эльбрус, 2005. 45 с.
6. Таова Н. Х. Божья коровка. Нальчик: Эльбрус, 2000. 32 с.
7. Ханфенов А. М. Как Хасан отправился на Марс. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1964. 60 с.
8. Ханфенов А. М. Пионерский салют. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1962. 56 с.
9. Шогенцуков А. А. Сочинения. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 541 с.

“PATTERNS OF BEHAVIOUR” OF CHILDREN’S KABARDINO-CHERKESSE POETRY HERO

Kazharova Inna Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Kabardino-Balkaria Institute of Classical Researches
barsello@rambler.ru

The author analyzes the methods of constructing the basic “behavioural patterns” of children’s Kabardino-Cherkess poetry hero. Through hero’s typology, typical to the specific stage of literature development, the spiritual-moral transformations of society are explicated, and the tendencies typical to the modern stage of children’s national poetry development are outlined.

Key words and phrases: children’s literature; pattern of behaviour; ideal; type; tradition; development.

УДК 81’282.2

Филологические науки

В данной статье описываются рязанские диалектные фразеологизмы с компонентами, называющими части человеческого тела, выявляются особенности их функционирования в речи. Семантика представленных языковых единиц рассматривается на основе сопоставительного анализа значений компонента, называющего ту или иную часть человеческого тела, и значения всего фразеологического оборота в целом. Источниками фактического материала стали словари, составленные исследователями русских и собственно рязанских говоров, а также картотека, собранная специалистами Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Ключевые слова и фразы: рязанская диалектная фразеология; семантика; компонент; части человеческого тела; частотность употребления.

Кипарисова София Олеговна

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
sofiya_kiparisov@mail.ru

РЯЗАНСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ, НАЗЫВАЮЩИМИ ЧАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА©

Как в общенародной, так и в диалектной фразеологии широко представлены фразеологические единицы, которые имеют в своем составе компоненты, называющие части человеческого тела. Формирование этих фразеологизмов связано с процессами осознания себя в мире и мира через себя, что обуславливает актуальность их изучения. Цель статьи – исследование рязанских диалектных фразеологизмов этого типа, что, в свою очередь, потребовало решения таких задач, как установление соотношения семантики всего фразеологического оборота в целом и его компонента, называющего какую-либо часть человеческого тела, выявление особенностей функционирования данных фразеологизмов в речи. Исследование именно диалектных фразеологических единиц обусловлено тем, что говоры, как менее обработанная и нормированная форма языка, представляют богатый материал для изучения указанных процессов. Источниками исследования явились «Словарь русских народных говоров» [3], «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» [4], «Словарь русских народных говоров рязанской Мещеры» В. Т. Ванюшечкина [1], а также материалы картотеки «Рязанского областного словаря», хранящейся на кафедре русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

В составленной нами по материалам этих источников картотеке рязанских диалектных фразеологизмов исследуемые фразеологические обороты составляют довольно многочисленную группу, включающую в свой состав более 130 единиц. Материалы картотеки свидетельствуют об использовании широкого круга компонентов, называющих ту или иную часть человеческого тела. К таким компонентам относятся (*цифра в скобках обозначает количество фразеологизмов – С. К.*): «глаза» (21), «глазки» (1), «рука»/«руки» (20), «ручка» (2), «голова» (14), «головушка» (1), «головка»/«головки» (3), «башка» (2), «нога»/«ноги» (14), «лицо» (7), «зубы» (6), «язык» (5), «сердце» (5), «кость»/«кости» (4), «палец» (3), «глотка» (3), «губы» (2), «уста» (1), «нос» (2), «рот» (2), «грудь» (2), «горло» (2), «пятка»/«пятки» (2), «брови» (1), «щеки» (1), «шея» (1), «живот» (1), «спина» (1), «ноготок» (1), «колени» (1), «стопа» (1), «кадык» (1).

Рассмотрим рязанские диалектные фразеологизмы с наиболее употребительными компонентами, обозначающими определенные части человеческого тела.

Самым распространенным компонентом в рассматриваемых фразеологизмах является лексема «глаза». Это связано с тем, что глаза являются одним из основных органов чувств. Также здесь находят отражение представления о глазах как о зеркале души, то есть об их способности выражать максимальное количество эмоций. Фразеологические единицы с компонентом «глаза», прежде всего, связаны с выражением нежелания кого-либо видеть: *на глаз не нужен (не надо); в глазах не нужен*. Близкими по значению являются